

Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика

Н.С. РОЗОВ

*Народ с одной понятен стороны,
С другой же стороны он непонятен.
И все зависит от того, с какой зайдешь ты стороны:
С той, что понятен он, иль с той, что непонятен.*
Д.А. Пригов

В статье анализируются три концепции, претендующие на раскрытие глубинных основ российского менталитета как источников крайне противоречивых, в том числе, негативных черт «русского национального характера». Рассмотрены эзотерические представления Н.А. Бердяева о «женственности русской души», социологическая традиция Левада-Центра (Ю.А. Левада, Л.Д. Гудков и другие), трактующая типы «простого советского» и «постсоветского» человека, концепция И.Г. Яковенко о синкретизе как основе российского архетипического сознания. Показано, что тексты современных авторов, претендующих на «модерное сознание», не свободны от характеристик, приписываемых «архаичному сознанию». Подвергается критике сама дихотомия «традиционное–современное» с ее подоплекой однолинейности социальной эволюции. Предлагаются альтернативные объяснения типовым идейным предпочтениям и схемы социологических исследований для тестирования соответствующих теоретических гипотез.

Ключевые слова: менталитет, социальная динамика, российские циклы, габитусы, интерактивные ритуалы, фреймы, символы, ценности, идентичности, стратегии и практики

Российский национальный характер: тема популярная и темная

Обращение к литературе о национальном менталитете, российском характере, политической культуре (в последние годы весьма объемной и разношерстной) производит крайне удручающее впечатление. Написано очень много, тексты преимущественно весьма идеологизированные, вплоть до кликушеских. С трудом обнаруживаемое из-под толстого слоя штампов (духовность–соборность–коллективизм–всечеловечность) концептуальное содержание почти целиком относится только к статике, практически нет работ об исторической динамике развития национальных менталитетов, тем более, о причинах, условиях, механизмах и закономерностях требуемых изменений¹.

¹ Среди немногих исключений см.: [Мостовая, Скорик 1995; Горшков, Авилова 1996; Дилигенский 1998; Лапкин, Пантин 1999; Ментальность россиян 1999; Гудков 2004; Отцы и дети 2005; Левада 2006].

Ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не удалось обнаружить готовых к использованию теорий социальной и ментальной динамики в соединении с анализом особенностей, изменчивости и разнообразия российского менталитета. Обобщим и представим многократно описанные одобряемые свойства российского национально-го характера [Степун 1928; Бердяев 2004; Лихачев 1990; Вышеславцев 1995; Пибоди и др. 1993; Касьянова 1994; Кукоба 2004].

Общими достоинствами российского характера, как правило, считают адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому, стойкость к лишениям и терпение, душевную теплоту, заботу о близких. Отмечается наличие сильной тяги к справедливости, праведной осмысленной жизни, служению высоким идеалам, Родине, чувство долга, бескорыстное подвижничество, способность к самоотречению.

В дискурсе восхваления русского народа и национального характера трудностью является необходимость объяснения того, *почему при таком благолепии история России столь трагична*. Как правило, трудность преодолевается ссылкой на последствия «татарского ига», на происки внешних врагов и иноземные влияния, на чрезмерную жестокость государства, «перегибы» отдельных правителей и т. п. При очищении от всех сугубо идеологических напластований такого рода концептуальное содержание этих взглядов оказывается крайне бедным и бледным, а столь популярная тема «русского характера» («русской православной духовности» и т. п.) весьма темной и непроясненной.

Гораздо более содержательными являются критические взгляды на особенности российского национального характера. Они более интересны для объяснения болезненных циклов российской истории, причин «застревания в колее» [Розов 2006] и внутренних массовидных препятствий для ее преодоления, перевала к новой логике исторического развития [Розов в печати].

Постсоветский человек – нелицеприятный взгляд социологов

Обычно в качестве *общих недостатков, слабых черт* русского народа (шире – российского населения) указываются разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации без подчинения и принуждения, правовой нигилизм, патернализм и подданническая культура, максимализм и метания от крайности к крайности. Характер советских и постсоветских людей обвиняется также в склонности к раболепию и холуйству и/или принуждению, насилию², а также к лицемерию, цинизму, низкопоклонству перед чужими образцами, к нетерпимости и шовинизму [Мостовая, Скорик 1995; Кессиди 2000; Гудков 2004; Левада 2006; Гудков, Дубин, Левинсон 2009].

Наиболее жесткой, но подкрепленной результатами многолетних социологических опросов Левада-Центра (ранее, Всесоюзного центра изучения общественного мнения – ВЦИОМа), является картина «простого советского человека».

Л.Д. Гудков, обсуждая взгляды Ю.А. Левады, пишет, что основу этого нормативного образца составляют следующие идеологемы:

- «об исключительности или особости «нашего» (советского, русского) человека;

² «Все мы родом из так называемой «новой исторической общности» – советского народа, селекционированного, заново созданного Сталиным. Народ терпеливый, рабеленный, подозрительный, злобно презирающий рефлексии, значит, интеллектуально трусливый, но с известной физической храбростью, довольно агрессивный и склонный сбиваться в стаи, в которых злоба и физическая храбрость заметно возрастают. Вообще-то, эти свойства есть в любом народе, разница только в выраженности. Сталинские же селекционные критерии были весьма высоки. Эти качества прямо планировались печатью и добровольно-принудительными собраниями как сверхважная государственная задача: развитие в народе этих свойств, необходимых строителям коммунизма, но называемых, разумеется, совсем иначе – патриотизм, сознательность, бдительность, верность партии и прочее» [Ковалев 2010].

- его превосходстве над другими народами или, по меньшей мере, несопоставимости его с другими;
- его «принадлежность» государству (взаимозависимость социального инфантилизма – ожиданий «отеческой заботы от начальства» – и контроля над собой, принятие произвола властей как должного);
- уравнилельные, антиэлитарные установки, соединение превосходства с ущемленностью (комплекс неполноценности) [Гудков 2007].

Как обнаружилось, постсоветский человек не особенно далеко ушел от советского, что позволило вначале Ю.А. Леваде [Левада 2006], а затем и Л.Д. Гудкову обобщить его характеристики. Итак, «советский» (постсоветский) человек – это:

- «массовидный, усредненный (т. е. ориентирующийся на норму «быть как все»), [...] подозрительный ко всему новому и своеобразному; неспособный оценить достижение (в том числе понять поведение) другого, если оно не выражено в языке иерархии государственных статусов;
- *приспособленный*, адаптированный к существующему социальному порядку, в том числе и через снижение порога или уровня запросов и требований; адаптация носит пассивный характер, поскольку массовый человек так или иначе, с ропотом или безропотно принимает произвол остающегося по-прежнему бесконтрольным «государства»;
- «простой» человек, *ограниченный* (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни, [...] ориентирующийся на упрощенные образцы отношений, более того, выдвигающий свою примитивность и бедность как «достоинство», как превосходство над «другими»;
- *иерархический* человек, четко осознающий, что не только экономические и социальные блага [...], но и человеческие права, внутреннее достоинство, уважение, «честь» [...] распределяются соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти;
- хронически *недовольный* человек, прежде всего, тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому *разочарованный*, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов, и тем, что ему «дано»;
- считающий себя вправе обманывать всех, с кем он имеет дело: как начальство, власть, так и своих близких; это *лукавый* человек, демонстрирующий лояльность властям и своему окружению, но по-настоящему заботящийся лишь о своем выживании или об очень узко понимаемых прагматических интересах;
- *неуверенный* в себе человек, поскольку [...] он никогда не может полагаться на действие правил формальных государственных институтов, значит, на правовую и социальную защищенность, стабильность, предсказуемость условий своего существования [...] имеет хронический комплекс недооцененности, коллективной ущемленности;
- вместе с тем, его разочарованность и чувство неполноценности компенсируются сознанием своей (массовой, коллективной) *исключительности, превосходства* (причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», «надындивидуальному» – великим державе, империи, народу) [...];
- эти чувства прорываются неупраздненной *ностальгией* по идеализируемому прошлому, к которому относят все несостоявшиеся мечты, [...] страхи вплоть до ксенофобии и параноидальной убежденности в существовании внешних и внутренних врагов, темных сил и «заговоров» против России;
- жесткость предъявляемых к нему нормативных требований и правил снимается не только *двоемыслием* и лукавостью, но и *коррупцией* (причем, эта кор-

рупция двунаправленная: подкупается не только власть в лице разного рода чиновников и надзирателей, раздатчиков государственных услуг и благ, но само население – через различные подачки, привилегии, послабления, поощрения, посулы и разнообразные символические знаки избранности или хотя бы выделенности (включая и принадлежность к «особым» статусам и допускам)» [Гудков 2009, с. 15–16].

Свойства национального характера выражают более глубокие структуры менталитета. Вполне естественно стремление выделить такие базовые (глубинные, корневые, системообразующие) составляющие менталитета, которые в основном определяют его свойства, а значит, и черты национального характера, особенности поведения, институтов, истории, «судьбы» и т. п. Так на что же опереться в данном случае?

Природа «русской души» – эзотерическая классика

В русской философской публицистике заслуживают внимания, прежде всего, воззрения Николая Бердяева, выраженные в книге статей «Судьба России» [Бердяев 2004] и др. Бердяев по большей части был преисполнен вдохновения, многословен, цветист и поверхностен. Он часто возвращался к вопросам «русской души», постоянно повторялся, на разные лады говорил примерно одно и то же. Суждения Бердяева о «русской душе» явно многократно продуманы, по-своему выверены, главным образом, на основе собственных обобщенных наблюдений, исторических примеров, а также на материале русской общественной мысли (Радищев, Чаадаев и прочие) и новейшей на то время литературной классики (Достоевский, Толстой). Итак, согласно Бердяеву, «русская душа»:

а) *женственна*, ждет внешнего источника *порядка*, сама же имеет слабое мужское начало, соответственно, ей *плохо дается форма, самодисциплина*;

б) *антиномична* – широка и размашиста, во всем доходит до противоположных *крайностей*, ей *плохо дается мера*; указывается на связь с «бескрайними просторами России»;

в) *религиозна*, стремится к возвышенному, даже если она отвергает Бога и идеалы, то все равно с особой истовостью, духовным напряжением.

За прошедшие почти сто лет, несмотря на большое количество литературы на эту тему, продвижение в сравнении с идеями Бердяева, мягко говоря, скромное. Подавляющее большинство авторов, пишущих на темы «русского характера», настроены почвеннически, державно-патриотически и пережевывают бердяевский пункт **(в)**, противопоставляя его «бездуховности» Запада.

Либерально-западническое крыло меньше занимается этой темой, как правило, развивает идеи «традиционализма», «домодерности», «покорности», «рабства», т. е. социологизирует эзотерическую гендерную тему **(а)** того же Бердяева. На склонность к крайностям **(в)** сетуют почти все, но обычно не утруждают себя попытками иного объяснения, кроме как от «бескрайних просторов».

«Синкретиз» русского традиционного сознания – культурологический взгляд

Весьма примечательна концепция культурного ядра традиционного слоя российского менталитета, недавно предложенная И.Г. Яковенко. Модель включает два яруса: системообразующий «идеал синкретиза» и несколько производных от него смысловых компонентов.

«Синкрезис – такое состояние общества и культуры, когда все переплетено со всем и ничто не выделилось, не обособилось [...] Фундаментальная особенность русской культуры состоит в том, что она фиксирует достигнутый на сегодня уровень дробления синкрезиса как последний, а далее противостоит дальнейшему его дроблению и в качестве абсолютного космического идеала видит ситуацию, когда мир вернется к вершинам синкрезиса. Иными словами, традиционная русская культура фундаментально противостоит объективному содержанию исторического процесса и интенционально, ценностно обращена к точке антропогенеза» [Яковенко 2009, с. 248].

Далее И.Г. Яковенко описывает производные элементы «цивилизационного кода»:

- должное/сущее, причем, должное здесь – не только идеал, но и норма, которая обесценивает жизнь, обустройство окружения в сущем [там же, с. 249];
- эсхатологический комплекс, «отличительная особенность эсхатологического человека, состоит в том, что в своей душе он похоронил то общество, в котором живет. Окружающий его мир обречен окончательно и бесповоротно. Он погибнет с минуты на минуту. Бессмысленно совершенствовать мир, который погряз в грехе. Его невозможно улучшить. Нет смысла создавать что-то, накапливать, улучшать» [там же, с. 250];
- манихейская интенция, «мир предстает как арена вечной борьбы двух космических сил – Света и Тьмы, Добра и Зла, духа и материи. Однажды, в эсхатологической перспективе, эта борьба завершится победой Света, и духи Зла будут сброшены в бездну. Но до тех пор идет вечная борьба [...] Противник манихея в любом случае – исчадие ада. Враг с большой буквы – целостная матрица, в которой по обстоятельствам только меняют имя очередного врага. Отношение к врагу как к человеку в принципе табуировано. Здесь можно вспомнить общественные страсти вокруг проблемы военных кладбищ для немецких, итальянских, румынских солдат, павших на просторах нашего отечества в прошлой войне» [там же, с. 251–252]; манихейство противопоставляется рыцарству как уважению к достоинству противника;
- *мироотречная установка*, «мир неприемлем по своей природе, а значит, всякие попытки исправить, усовершенствовать мир ни к чему кроме краха этих усилий и гибели души человека не приведут [...] мироотречник отказывается идти во власть, бежит от любого крупного дела» [там же, с. 252–253];
- *раскол культурного сознания*, «в культуре живут и постоянно актуализуются две исключающие друг друга программы воспроизводства социокультурного целого [...] доминирующим оказывается стремление подавить, а если есть возможность, уничтожить носителей противостоящей точки зрения» [там же, с. 253];
- *сакральный статус власти*, «Власть – носитель истины, владелица всего сущего, источник инноваций, источник законов, стоящий над законом [...] Она – субъект, порождающий «стокгольмский синдром» и т. д. Власть сверхценна и преимущественно субъектна» [там же, с. 253–254];
- *экстенсивная доминанта*, направленность на расширение деятельности, захват новых ресурсов в ущерб интенсификации наличного потенциала, оптимизации, инновациям, снижению издержек и т. п. [там же, с. 254–255];
- *традиционно-имперская доминанта*, «'правильное', естественное положение вещей предполагает существование России как традиционной континентальной империи» [там же, с. 255],

также упоминаются в качестве более частных *репрессивный характер культуры и антипроцедурная интенция*.

И.Г. Яковенко оговаривается, что здесь представлен только архаический слой российской ментальности, тогда как есть еще «уровень культуры, целиком заданный процессами модернизации», который непременно будет вытеснять представленную выше архаику [там же, с. 258].

Преодолены ли «архаика» и «советскость» их критиками?

Сам И.Г. Яковенко не скрывает, что является убежденным либералом и западником, представителем именно «модерного» менталитета, отвечающего росту сложности, дифференцированности, динамичности современного мира³. Соответственно, представленный выше ряд черт архаичного сознания уже должен быть полностью преодолен, по крайней мере, в его четко сформулированной, выверенной, рациональной концепции. Л.Д. Гудков также многократно утверждал свою приверженность к стандартам «модерного», западного общества⁴. Следовало бы ожидать, что эти авторы, как минимум, в своих программных текстах, исполненных критики к «домодерным» традиционалистским и тоталитарно-советским ментальным характеристикам, сами их блестяще преодолевают. Так ли это?

Оказывается, многое из «домодерности» обнаруживается, пусть и в смягченном виде в обихих цитированных работах [Гудков 2009; Яковенко 2009]. В роли *должного, манихейского «Света»* выступает сама современная (читай, западная) культура, соответствующий модернизированный уровень сознания, призванный вытеснить и заменить *сущее*, «Тьму» доминирующей в России ментальности – устаревшую архаику «заданную исторической инерцией и утратившую потенцию к адаптивному своим носителям в стремительно изменяющемся мире» (Яковенко), постсоветскую ментальность как продукт разложения тоталитаризма (Гудков).

Представлен и *эсхатологический комплекс*: «последняя битва добра и зла, света и тьмы, которая завершится победой света» [Яковенко 2009, с. 250] – это и есть теперь «модернизационная трансформация» как «исключительно болезненный процесс» [там же, с. 258], причем, с известным победителем. Л.Г. Гудков воздерживается от высказываний о будущем, но общий крайне пессимистичный тон его текстов весьма близок «настроению безнадежности», характерному как раз для «эсхатологического комплекса» и «мироотречности» по И.Г. Яковенко⁵.

Раскол культурного сознания проявляется в обеих концепциях исключительно ярко через противопоставление «традиционного» («домодерного», «архаично-

³ «Постоянное продуцирование инноваций во всех срезах, на всех уровнях общества, отбор и тестирование этих инноваций по критерию эффективности, конкуренция внедряемых инноваций составляют ткань жизни динамичного общества и фон существования динамичного человека. Такое общество порождает особый тип человека – мыслящего в категориях оптимизации, открытого инновациям, способного к их порождению, оценке преимуществ каждой из них и внедрению наиболее эффективных. Отметим, что этот тип личности полярно противостоит традиционному человеку, ориентированному на воспроизводство устойчивой традиции, с недоверием относящемуся к любым нововведениям и не способному мыслить в категориях эффективности» [Яковенко 2009, с. 245].

⁴ «Сами базовые институты – представительская демократия, правовое государство, независимый суд, гарантия частной собственности, прав и свобод человека, обменные принципы рыночной экономики и т. п. – все это и есть те институты, которые систематически снижают уровень коллективного насилия и принуждения. Что бы ни писали критики (и во многом их утверждения абсолютно справедливы), эти институты в своем функционировании опираются на индивидуалистическую этику человека, учет этих ценностей в идее равенства, уважения индивидуальной свободы, признания интеллектуальной и этической дееспособности человека. Поэтому анализируя то, что происходит в обществах догоняющей или незавершенной модернизации, мы не можем не сравнивать их состояние с ценностными параметрами социальных структур западных стран» [Гудков 2009, с. 22].

⁵ «Особенность эсхатологического человека, состоит в том, что в своей душе он похоронил то общество, в котором живет. Окружающий его мир обречен окончательно и бесповоротно. Он погибнет с минуты на минуту. Бессмысленно совершенствовать мир, который погряз в грехе. Его невозможно улучшить» [Яковенко 2009, с. 250].

го») и «модернизированного», причем, о равноправном диалоге между носителями этих ментальностей не сказано ни слова. Представители «модернизированного Света» вынуждены с горечью наблюдать, фиксировать и научно интерпретировать продукты гниения тоталитаризма (Гудков), либо они в некоем «исключительно болезненном процессе» вытеснят на обочину истории, в частные сферы не способных адаптироваться представителей «архаичной Тьмы» (Яковенко). Ни диалогического, ни равноправного, ни *рыцарского* отношения здесь не просматривается.

Зато известна направленность более агрессивных носителей «модерности» не на собственное интенсивное совершенствование, а на *экстенсивный, имперский захват* чужих, занятых будто бы безнадежной архаикой, территорий, корпораций, фирм, банков.

Наконец, преклонение либералов-западников перед «модернизированной культурой», «модерным», «динамичным» обществом (трактуемыми весьма синкретично!), очевидно, отличается от *сакрализации власти* в архаичной ментальности, но некоторые упомянутые тотемные черты – «носитель истины, источник инноваций, источник законов, всемогущество, сверхценность, требование жертв (болезненного процесса трансформации)» [Яковенко 2009, с. 253, 258] – все присутствуют.

Против манихейства и устаревших схем идеологии «модерности»

Следует задуматься: что, собственно, означает явственное обнаружение в «модернизированном» слое российского сознания «архаических» черт, даже таких скандальных, как тотемизм? Прежде всего, это дискредитирует любые попытки проведения жесткой, идеологической («манихейской», если угодно) границы между «хорошим, прогрессивным, современным» и «плохим, отсталым архаичным»⁶. Неприемлемой также оказывается лежащая в основе такого рода разделений однолинейная схема культурной и социальной «модернизации» (того же «прогресса» из идеологии Просвещения XVIII в. только под другим именем).

Также становится очевидно, насколько опасно чересчур резко отделять себя, свои убеждения и мировидение от «предмета исследования».

Синкрезис как всепорождающее лоно для всех остальных ментальных компонентов⁷ – идея красивая, опровергнуть ее невозможно в принципе, поскольку невозможно найти что-либо в менталитете, не выводимое из синкрезиса.

Но это «достоинство» является и главной бедой концепции. Без столкновения с аномалиями она не будет развиваться, не перерастет в полноценную, эмпирически подкрепленную теорию, а лишь станет еще одной добавкой к давно уже переполненному накоплению *непроверяемых гуманитарных интерпретаций* [Розов 2009, часть 1].

Следует добавить, что центральная мыслительная схема, на которой держатся обе концепции, весьма уязвима. Согласно И.Г. Яковенко, традиционный синкрезис (простота, неразличение, статика) уступает место аналитической разделенности (сложность, динамика). У Л.Д. Гудкова упрощенные (пост)тоталитарные институты никак не могут смениться сложными, многосоставными, полифункциональными «модерными» институтами. Фактически здесь воспроизводится весьма давняя (чтобы не сказать *архаичная*) идея эволюции Герберта Спенсера: «переход от бес-

⁶ Кстати, сам Ю.А. Левада предостерегал против идеологических фантомов и жестких дуалистических моделей в пользу признания сложности и разнообразия мира (см. например: [Левада 2006, с. 166].

⁷ «Установка на синкрезис представляет собой системообразующую характеристику. Последующие элементы цивилизационного кода специфицируют эту установку либо производны от нее [Яковенко 2009, с. 255].

связной однородности к связной гетерогенности». Между прочим, другая спенсеровская идея о выживании наиболее приспособленных (что затем стало основой социал-дарвинизма) также проглядывает.

Всегда ли модернизация означает усложнение и умножение различий? Это отнюдь не очевидно. Например, общенациональное гражданство и единые для всех законы – это проще (если угодно, «синкретичнее»), чем крайне сложные конгломераты сословий и разные для них своды законов, к тому же различные в каждой провинции, пересекающиеся с обычным правом и прочее.

С тезисом о большей адаптированности носителей модернизированной культуры тоже не так просто. Представим китайца, японца или русского, плотно включенного в сети традиционных неформальных связей (клановых, родовых, «блатных» и прочих), знающего и аккуратно выполняющего все соответствующие традиционные ритуальные практики, исповедующего символы этих сообществ, и вернувшегося из-за океана «модернизированного» антипода, получившего продвинутое западное образование и отвергающего весь этот «домодерный хлам архаичного синкрезиса». Выигрыш и лучшая адаптируемость второго персонажа, как минимум, не очевидны.

Почему торгующий на рынке крестьянин многим в России кажется предпочтительней оптовика?

Рассмотрим следующий пример, приводимый в пользу концепции «синкрезиса»: «для традиционно ориентированного человека альтернатива – крестьянин выращивает урожай и сам продает его на рынке либо продает его оптовику, который организует торговлю, – однозначно решается в пользу первого из предложенных вариантов. Разговоры о том, что торговец наживается на производителе, не более чем рационализация безошибочного культурного инстинкта. Профессиональный производитель и профессиональный торговец – менее синкретичная, более аналитическая ситуация» [Яковенко 2009, с. 248].

Пример хороший, но ведь он допускает и иную интерпретацию. При объяснении и предсказании такого рода предпочтений можно апеллировать ко все объясняющим традиционным архетипам, а можно и к иным материям.

Автор этих строк специально провел несколько углубленных интервью с борборниками прямой крестьянской торговли, спрашивал о причинах и основаниях такого убеждения. В ответах мотив того, что «перекупщики беспардонно наживаются», конечно, присутствовал, но отнюдь не был главным. В фундаменте убеждений респондентов не было ничего, напоминающего «нерасчлененный синкрезис» или «изначальную простоту». Напротив, говорилось следующее: крестьянам лучше самим приезжать и продавать свою продукцию, поскольку их будут знать в лицо и даже по именам. Можно будет приходиться к такому-то продавцу и точно знать, что купленная у него курица будет вкусной, потому что он кормит кур тем-то и тем-то и не обманывает. *«А иначе покупаешь непонятно что непонятно у кого; вот один раз варил четыре часа это нечто, так бульон и мясо вообще были безвкусными».*

Такой может взгляд показаться «домодерным» и совершенно устаревшим только с позиций наивного восхищения чудесами супермаркетов. Никаким «нерасчлененным синкрезисом» тут и не пахнет. Более того, такой индивидуализированный тип потребления, весьма качественного и престижного, *от своих поименно знакомых производителей* как раз и развивается в высокодоходных слоях западных обществ. Как видим, примитивная схема замены «традиционного» «модернизированным» вновь оказывается неадекватной.

От чего же зависит предпочтение прямой крестьянской торговли или услуг оптовиков? Более перспективно учесть:

- во-первых, какой у человека больше опыт – покупать с рук у крестьян на базаре или в магазинах, супермаркетах, отрицательный он или положительный в каждом случае в плане доступности цен, качества продуктов, их товарного вида и т. д.;
- во-вторых, с кем из обсуждаемых агентов – с крестьянином или торговцем-оптовиком, вероятнее всего, будет идентифицировать себя и *своих* респондент, насколько *чужой* или *свой* для него торговец;
- в-третьих, каковы позиция, претензии, ожидания респондента в соответствующей политико-экономической структуре (допуск на рынок, проверки, налоги, поборы и т. п.).

Опыт покупателей в разных местах бывает разный. При низкой конкуренции между оптовиками, они могут держать высокие монопольные цены и не особенно заботиться о товарном виде продуктов (например, вымыты, высушены, отобраны ли овощи). Зато они могут сохранять свою монополию и скрывать доходы от налоговой инспекции благодаря регулярным «заносам» (взяткам) местным властям, а также способствовать тому, чтобы крестьян с их низкими ценами не пускали на рынки.

Гипотеза состоит в том, что респонденты с прежним индивидуализированным покупательским опытом и негативным опытом в такого рода местах, раздраженные высокими ценами оптовиков, низким качеством их товаров, и/или идентифицирующие себя с крестьянином (вероятно, более бедные, менее образованные, более старшие, имеющие родителей или помнящие своих дедов и бабушек из деревни), считающие вообще торговцев *чужими* и «спекулянтами», не видящие для себя и интересов *своего круга* никаких выгод от оптовых закупок, будут их отвергать.

Респонденты с покупательским опытом на высококонкурентных рынках, довольные качеством, разнообразием и ценой товаров, предлагаемых оптовиками, и/или идентифицирующие себя с современным бизнесом (имеющие более высокий доход, более образованные, более молодые, не помнящие своих дедов и бабушек из деревни), видящие для себя и интересов *своего круга* явные выгоды от оптовых закупок, будут их приветствовать.

Объявить первых (всех поголовно) приверженцами «нерасчлененного синкретиза», а вторых – «дифференцированной модернизированной культуры», затруднительно. Тем не менее, сам тип высококонкурентного рынка с низкой добавленной ценой и высоким стандартом товаров вполне можно приписать «модерности», будто бы подтягивающей к себе и менталитеты всех участников. Как быть?

«Наука умеет много гитик». Для случаев такого рода есть методология критических экспериментов, в свое время блестяще реализованная Дюркгеймом в книге «Самоубийство»⁸. Общая идея – в составлении теоретической выборки:

а) найти группы респондентов с явной принадлежностью к традиционалистскому, «синкретичному» типу менталитета, но имеющих покупательский опыт на конкурентных цивилизованных рынках (с малыми наценками и высокими стандартами качества товаров), либо по каким-то причинам идентифицирующих оптовых торговцев как *своих*, либо получающих пользу от оптовой торговли крестьянскими продуктами для себя лично или своей организации; под такие категории могут, например, попасть пожилые люди из деревень и маленьких городков, эмигрировавшие в Германию или США, престарелые малообразованные родители, деды и бабки, близкие друзья семей оптовых торговцев, местные начальники, далекие от «модерности», но либо получающие от оптовиков мзду, либо заинтересованное в них как налогоплательщиках;

⁸ Более детально см.: [Stinchcombe 1987, p. 18–22; Розов 2009, с. 217–222].

б) найти группы респондентов с явной принадлежностью к «модернизированному», «расчленяющему», «аналитическому» типу менталитета, но с негативным покупательским опытом на монополизированных рынках с «задранными» ценами, низким качеством товаров у оптовиков, знающими о том, крестьян не допускают на рынок, либо по каким-то причинам идентифицирующими себя с этими крестьянами, либо получающими прямую выгоду именно от крестьянской торговли; под такие категории подойдут, например, студенты и аспиранты, изучающие точные науки, но вынужденные экономить при покупке еды, либо являющиеся детьми, близкими родственниками, друзьями семей тех самых крестьян, либо это могут быть вполне образованные, «продвинутые в модерности» инспектора, налоговые чиновники, которые не сумели принудить оптовиков к коррупции, зато способны брать мзду с социально атомизированных и беззащитных крестьян, приезжающих в город торговать.

Какие факторы окажутся сильнее – на это сможет дать ответ только эмпирическое исследование.

Почему советский директор завода для многих милее нынешнего собственника?

В своем другом примере И.Г. Яковенко поднимается в интерпретации почти до бердяевских духовных высот.

«Почему ревнителю традиции мил советский директор и не мил предприниматель – владелец завода? Дело в том, что советский директор объединял в своей персоне земную власть и собственность. (Строго говоря, он был не собственником, а распорядителем, но эти нюансы традиционное сознание не схватывает; директора часто называли «хозяин».) А как член райкома КПСС этот директор представлял еще и Власть небесную. Капиталистический предприниматель лишен всех этих атрибутов» [Яковенко 2009, с. 248–249].

Придание райкому КПСС атрибутов «власти небесной» – это, конечно, остроумный риторический ход. Все же дело состоит не в синкретическом объединении Неба и Земли в фигуре советского директора завода, а в чем-то другом.

Ключевой фрейм здесь, вероятно, включает *государство как сферу власти для контроля и переделов, как источник раздач (ренты), как агент и организатор развития территорий «для всех»*. Директор советского (а теперь государственного предприятия) предпочтителен для советского и постсоветского человека (идеалтипического по Ю.А. Леваде и Л.Д. Гудкову) в сравнении с частным собственником по следующим причинам:

- на советского директора «была управа» сверху, на него можно было пожаловаться вышестоящим властям; суду же постсоветский человек обычно не доверяет, особенно, когда нужно судиться с начальством;
- эти власти могли заставить директора совершить некий передел «для людей» – повышать зарплаты, выдавать премиальные, строить детские сады, поликлиники, базы отдыха, развивать, благоустраивать окружающую территорию и т. п.; даже если этого не делалось, сама мысль о возможности «заставить сверху» очень греет постсоветского человека;

- государственное – это общее, а значит, «немножечко наше», поэтому выносить что-то ценное с государственного предприятия незачем, и в позднесоветское время это не особенно каралось, даже считалось нормальным на самых высших властных уровнях⁹; по отношению к собственнику предприятия это уже выглядит кражей; выносить стало опасней и позорней, а фрустрация обычно перерастает в агрессию;
- поэтому все обладатели прежней «общенародной» (государственной) собственности, даже построившие что-то новое на бывшей государственной – «общей, нашей» – земле многими в России считаются ворами-«прихвизаторами».

Грубо говоря, дилемма такова: неприятие частной собственности, предпочтение государственной зависит в большей мере от *синкретизма* или *от патернализма и подданнической культуры «лукавого раба»*? Для проверки альтернативных гипотез опять же требуется составление теоретической выборки, где следует найти:

а) группы респондентов с явственным «традиционным», «синкретическим» сознанием, но малым патернализмом, никогда не работавших на госпредприятиях, не пользовавшихся соответствующими благами, не бывших «несунами» и т. п., зато имеющих опыт судебных разбирательств с государственными или частными предприятиями;

б) группы респондентов с явной принадлежностью к «модернизированному», «расчленяющему», «аналитическому» типу менталитета, работавших на госпредприятиях, пользовавшихся соответствующими благами, бывших «несунами» и т. п., и не имеющих опыт судебных разбирательств с государственными или частными предприятиями.

Если группа **(а)** в большей мере предпочтет государственную собственность на заводы по сравнению с частной собственностью, чем группа **(б)**, то концепция «синкретизма» получит значимое эмпирическое подкрепление. Обратный же результат будет иметь фальсифицирующий характер по отношению к этой модели, зато подкрепит вышеприведенные рассуждения о государственном патернализме и подданничестве как главных детерминантах.

Вообще говоря, здесь уже намечена программа соответствующего социолого-экономического исследования. На мой взгляд, результаты его, скорее, опровергнут, а не подтвердят концепцию «синкретизма» И.Г. Яковенко, но, разумеется, до получения эмпирических данных твердых утверждений делать нельзя. В любом случае именно такого рода исследования могут пролить свет на проблему особенностей российского менталитета.

Предпосылки анализа национального менталитета: онтология и методология

*Пословицы противоречат одна другой.
В этом, собственно, и заключается народная мудрость.*
Станислав Ежи Лец

Приведенные выше замечания не умаляют интеллектуальной ценности моделей Ю.А. Левады – Л.Г. Гудкова и И.Г. Яковенко, которые на сегодняшний день являются наиболее содержательными, ясными и конструктивными концепциями рос-

⁹ Федор Бурлацкий так вспоминал о Брежнев: «Саша Бовин, мой друг, который работал в Европе консультантом, так говорил Леониду Ильичу: "Вот плохо живут, вы знаете, как учителя и все остальные". А Леонид Ильич отвечал: "Саня, ты жизни не знаешь. Вот мы когда были студентами, мы разгружали вагоны. Один ящик туда, второй ящик туда, а третий – себе. Один мешок туда, другой мешок туда, а третий – себе". Он считал это нормальным...» (<http://www.1tv.ru/news/pozner/62303>).

сийского менталитета. Они вполне могут послужить опорой, точкой отсчета для развития исследований российского, постсоветского менталитета и национально-го характера.

Из проведенной критики следует извлечь следующие уроки:

- следует избегать *жестких дизъюнктивных делений менталитета* на «хорошие» (прогрессивные, современные и проч.) и «плохие» (устаревшие, архаичные) слои; тем более вероятно, что в каждом поколении носителей менталитета имеется переплетение разнообразного нового и разнообразного старого;
- оценка этих компонентов требует особой *рефлексии исходных нормативных критериев* – также, между прочим, смысловых элементов сознания с неизбывными корнями в ментальных стереотипах;
- следует освобождаться от слишком грубых и простых (синкретичных!) *схем однолинейного развития*, чем грешит как раз сама теория модернизации; реальная историческая динамика включает множество противоречивых процессов; одного направления «вперед» попросту не существует;
- следует избавиться от тотально распространенного в отечественной гуманитарии и неосознаваемого *постулата о существовании в каждом круге явлений какой-то единой сущности* («системообразующего принципа», «матрицы», «клеточки» и т. п.), обнаружив которую будто бы можно будет вывести и объяснить все явления этого круга;
- каждому исследователю своего менталитета и, тем более, чужого и чуждого народа полезно пристально присматриваться к собственным мыслям, установкам, убеждениям и текстам – так ли уж далеко они отстоят от того, что отстраненно анализируется, тем более, порицается?

В чем же искать основания и источники свойств «русского национального характера»? Какова природа воспроизводства, динамики, эволюции российского менталитета? Наиболее перспективным представляется синтез институционального подхода с идеями специфики «русской власти» [Пивоваров, Фурсов 1999; Дубовцев, Розов 2007], этакратизма [Шкаратан 2009], ресурсного государства и рентного сословного общества [Кордонский 2008] с концепциями циклов истории России [Янов 1997; Розов 2006], микросоциологической традицией исследования интерактивных ритуалов [Коллинз 2002; Гофман 2004; Collins 2004]. Но это уже тема самостоятельного большого исследования [Розов в печати].

Литература

- Бердяев Н.А. (2004) Судьба России. М.: ООО «Издательство АСТ».
- Вышеславцев Б. П. (1995) Русский национальный характер // Вопросы философии. № 6.
- Горшков М.К., Авилова А.В. (1996) Массовое сознание россиян в период осуществления трансформации: реальность против мифов // Мир России. № 2.
- Гофман И. (2004) Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение».
- Гудков Л. Д. (2004) Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение ВЦИОМ-А.
- Гудков Л. Д. (2007) Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения. № 4.
- Гудков Л. Д. (2009) Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 2 (100).
http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/04/09/0000336866/vom_2009.2_x28100x29_8-37.pdf.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. (2009) Фоторобот российского обывателя // Мир России. № 2.

- Дилигенский Г. Г.* (1998) Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО.
- Дубовцев В.А., Розов Н.С.* (2007) Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // Полис. № 3.
- Касьянова К.* (1994) О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики.
- Кессиди Ф.Х.* (2000) О парадоксе России // Вопросы философии. № 6.
- Ковалев С.А.* (2010) Политический идеализм и реальная политика: вызов XXI века // Ежедневный журнал. 3 марта 2010. <http://ej.ru/?a=note&id=9918>.
- Коллинз Р.* (2002) Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кукоба О. А.* (2004) Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2.
- Лапкин В. В., Пантин В. И.* (1999) Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции. // Полис. № 6.
- Левада Ю.А.* (2006) Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство.
- Лихачев Д. С.* (1990) О национальном характере русских // Вопросы философии. № 4.
- Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения) (1997) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М.: АСТ.
- Мостовая И. В., Скорик А. П.* (1995) Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. № 4.
- Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России (2005) / Под ред. Ю.А. Левада, Теодора Шанина. М.: Новое литературное обозрение.
- Пибоди Д., Шмелёв А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е.* (1993) Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. № 3.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* (1999) Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. № 4.
- Розов Н.С.* (2006) Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. № 3.
- Розов Н.С.* (2009) Историческая макросоциология: Методология и методы. Новосибирск: НГУ. <http://www.nsu.ru/filf/rozov/hist-mc.htm>.
- Розов Н.С.* (в печати) Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. РОССПЭН. Обзор содержания книги см.: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/kol-per.htm>.
- Степун Ф. А.* (1928) Мысли о России // Современные записки. № 28. Париж.
- Шкаратан О.И.* (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Яковенко И.Г.* (2009) Теоретические основания цивилизационного анализа России / В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера (сост. А.П. Давыдов). М.: Новый Хронограф.
- Янов А.Л.* (1997) Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М.: КРУГ.
- Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford. Princeton University Press. 2004.
- Stinchcombe A.* Constructing Social Theories. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1987.